

ШИМАНОВИЧ С. Ю. — ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ

ШИМАНОВИЧ Самсон Юльевич, родился в 1890-х. Получил высшее образование. Ученый, работал по Всесоюзном институте растениеводства в Ленинграде, с 1926 — доцент Института прядильных культур. В 1933 — арестован как «участник эсеровско-народнической контрреволюционной организации», приговорен к 5 годам ссылки и отправлен в Шарбак-Кульский район Омской области, работал агрономом в Борисовском зерносовхозе. 10 октября 1934 — арестован в ссылке, 16 декабря осужден Павлодарским судом. В январе 1936 — обратился с заявлением к Генеральному прокурору.

<18 января 1936>

«Копия»

Генеральному Прокурору Союза Советских
Социалистических Республик

Бывшего ученого специалиста Всесоюзного
Института Растениеводства и доцента
Ленинградского Института Прядильных Культур
Шимановича Самсона Юльевича — агронома
Борисовского зерносовхоза Шарбак-Кульского
района Омской области.

Дело № 169-1933 г<ода> 2 Отд<ела> СПО ПП
ОГПУ в Л<енинградском> В<оенном> О<круге>
Дело № 1-8-1934 г<ода> Нар<одного> суда
Павлоградского р<айона>на Омск<ой> обл<асти>

Заявление

Весною 1935 г<ода> моя бывшая жена обратилась в Верховную Прокуратуру с просьбой смягчить избранную в отношении меня меру пресечения и дать мне возможность досрочно вернуться к семье — 13 лет совместной жизни — и научно-исследовательской работе, которой я отдал больше 9 лет.

Одним из аргументов ее и моего теперешнего ходатайства являлось и является то, что проф<ессор> Писарев В. Е. и проф<ессор> Таланов В.В. организаторы, по их собственному признанию, эсеровско-народнической контрреволюционной организации, а равно и проф<ессор> Левитский Г. А., ученые специалисты Лебедев А. Д., Голубев Н. П. и Чинго-Чингас К. М. уже освобождены, в то время как я, работавший под руководством Писарева и вскормленный такой средой, продолжаю отбывать свое тяжелое, но по заслугам полученное наказание.

Отказ прокурора т<оварища> Катаньяна смягчить мою участь имел в своей основе указание на мою, не в пример вышеперечисленным лицам, судимость 1934 г<ода>, т<о> е<сть> во время моего пребывания в ссылке.

Учитывая всю серьезность этого заявления, я, тем не менее, осмеливаюсь обращаться к Вам, т<оварищ> Генеральный Прокурор, в третий раз. Я прошу Вас отнестись ко мне с присущей пролетарскому правосудию и социалистическому гуманизму чуткостью и заботой о человеке и поверить в то, что мое обращение к Вам насыщено предельной искренностью. Она обусловлена и моей идеологической перестройкой и обретенной на производстве глубокой верой в правильность политики

коммунистической партии и правительства. Но и кроме того, свершившимся распадом моей семьи.

Я и сейчас заявляю, что в упомянутой контрреволюционной организации я не состоял, но учитывая мою ошибку в вопросе о ликвидации кулачества как класса, я тем самым потенциально смыкался с теми людьми, которые были носителями этой контрреволюционной "идеи". Это вероятно и дало повод проф<ессору> Писареву, злему гению моей судьбы, причислить меня к ее участникам.

Другим моментом, позволившим ему причислить меня к организации, им тогда возглавляемой, является след<ующее>: в глухой борьбе между проф<ессором> Писаревым и молодой советской порослью начинающих исследователей я стоял в стороне, а след<овательно>, по железным законам классовой борьбы я был на его стороне.

Эта борьба протекала на роковом для меня фоне: с одной стороны личное расположение ко мне проф<ессора> Писарева, а с другой — травля, советская по форме и антисемитская по содержанию, со стороны тогдашнего секретаря парт<ийной> ячейки Отдела Генетики и Селекции ВИР Тер-Казарьяна, бывшего белогвардейского офицера, обманным путем проникшего в партию (недавно исключен) и научной сотрудницы Ивановой К. В., дочери б<ывшего> городского.

Анализируя теперь в одиночестве, со всей беспощадностью каждый свой день и час работы в ВИРе я пришел к самому тяжелому и позорному для себя выводу, что проф<ессор> Писарев мог бы даже завлечь меня в такую организацию, ибо для меня тогда его специальные знания были адекватны знаниям процессов и движущих сил в с<ельском> х<озяйстве> нашей страны.

Фальшью не будет сейчас звучать мое заявление, что хирургическое вмешательство в мою жизнь органов пролетарской диктатуры позволяет и позволит мне находиться в рядах тех, кто с энтузиазмом и беспредельной преданностью борется за лучшие идеалы, принесенные в мир Октябрьской революцией под руководством когорты людей, обессмертивших свои имена в истории человечества.

Тяжелой ценой я купил свое перерождение и хочется верить, что забота о человеке, о которой 4 мая 1935 г<ода> говорил т<оварищ> Сталин, вождь нашей страны, коснется и меня, потерявшего семью, а след<овательно>, и дорогих мне детей.

Мое осуждение по 111 ст<атье> УК в уборочную кампанию 1934 г<оду> служит плохой иллюстрацией к тому, что я выше сказал. Приложенные же при сем документы, а равно и дело, которое будет затребовано, позволит Вам судить и о качестве следственного процесса и о степени моей виновности.

Добавлю, что неопашка на 6 отд<елении> совхоза нескольких скирд (были заскирдованы 4-5/Х, а меня арестовали 10/Х, при неопашке их во всем совхозе), а равно и запоздание с выполнением одного очередного графика уборочных работ 21 сентября (а не плана работ, с которым мы вступили в уборку 26 августа) составление которых "Советская Сибирь" в передовой от 20/Х-1934 г<ода> № 242 подвергла жесткой критике, не будут по соображениям социальной педагогики служить тем камнем преткновения, о который споткнется моя личная жизнь.

Подобное бескорыстное нарушение мною служебного долга в обстановке напряженной уборочной кампании, когда и директор, и начальник политотдела Ново-Уральского зерносовхоза подлежали аресту (см<отреть> том II, стр<аница> 2 постановления Омского Сектора НКВД от 5 октября 1934 г<ода>), стало соответственно моменту уголовно-наказуемым деянием, но при уборке без дождей оно бы не нашло отражения даже в приказе по совхозу.

Хочется верить, что этот процесс, во время которого нар<одный> судья заявил, что я непричастен к людям, с которыми я сидел на скамье подсудимых (я даже не знал их), а общественный обвинитель рассказывал суду "факты" о якобы взорванных мною поездах, голоде сотен детей по моей вине и моих попытках взрыва изнутри Красной Армии, не может служить мерилom моей перековки. Попутно отмечу, что общественный обвинитель является конкретным виновником по пункту "з", приписанному следствием мне, и мою просьбу о его отводе суд отклонил, мотивируя тем, что по этому пункту обвинитель не будет меня обвинять.

Надеюсь, что милосердие постановления Центрального Исполнительного Комитета Союза от 11 августа 1935 г<ода> относительно подобных нарушений служебного долга в хлебоуборочные кампании 1932-33 г<одов> распространится и на меня, и мои нарушения не будут хотя бы служить преградой при решении вопроса о моем досрочном освобождении или иной форме облегчения моей участи.

Вот уже скоро 3 года как я лишился детей и любимого дела, но я полон надежды, что просьба человека, полностью осознавшего свою ошибку и приносящего раскаяние, будет услышана, ибо я верю в Марксову мысль — корнем для человека является сам человек, — претворенную в жизнь сталинской практикой любовного выращивания людей, даже ошибавшихся.

С. Шиманович.

18 января 1936 г<ода>.

Приложение — различные документы.

1. Обвинительное заключение по делу № 4341 Омск<ого> сектора У<правления> НКВД.

2. Приговор по делу № 1-8-1934 г<ода> Нар<одного> суда Павлоградского района Омск<ой> обл<асти>.

3. Определение 2 КК Зап<адно>-Сиб<ирского> Крайсуда от 16/XII 1934 г<ода> по этому же делу.

4. Отзыв академика Н. Н. Вавилова.

5. Отзыв дирекции совхоза (послан дополнительно 21/I-1936 г<ода>).

С. Шиманович.

18 января 1936 г<ода>»¹.

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1539. С. 178-181. Автограф.